

Константин Бушуев

Оправдание

Сколько смертей за тобою, миролюбивый Амур... Прав был мудрый римлянин. Двадцать веков минуло, и ничего не изменилось, так и продолжает литься кровь из-за великого чувства, от которого не свободен никто, даже самый жестокосердный и бесчувственный человек... И не только из-за Любви, но из-за ее антипода, из-за ненависти. Что ж удивительного, это именно тот случай, который в философии именуется единством и борьбой противоположностей. От Любви до ненависти – один шаг, как от одной стороны бумажного листа до другой. Сначала кого-то любишь, потом кого-то ненавидишь, потом кого-то убиваешь... Вот и еще одной смертью больше стало. На моих руках кровь... Нет, не в прямом смысле, а в метафорическом, не запачкаться вроде бы удалось. Теперь нужно сохранять спокойствие, да, вот именно, хладнокровие и спокойствие, и не наделать ошибок... Сквозь маленькое окошко виднеются темные стволы сосен и чуть дальше – водная гладь озера, а еще дальше – готовое закатиться за далекие леса бордовое солнце. Оно еще полностью не зашло, но уже темно, особенно здесь, в тени кустов и деревьев. Свет в прихожей

включен, но окно такое маленькое, что никто из людей, сидящих сейчас на берегу озера, наверняка не мог видеть того, что происходило здесь пару минут назад. Как сидели у самой кромки воды, так и сидят, только почему-то их меньше стало... Вот незадача, кто-то из них сюда идет! Действовать, быстро!

Глава 1

Глядя на сидящего напротив меня молодого человека, я невольно думал не только о предмете нашего разговора, но и о той неотвратимости, с которой природа меняет внешность каждого из нас. Последний раз я видел Сережу Волкова лет двенадцать назад, и тогда его правильнее было бы называть не «молодым человеком», а подростком, с еще не до конца сформировавшимися чертами лица и контурами тела. Он тогда заканчивал последний класс в средней школе. Теперь же я видел перед собой взрослого мужчину, аккуратного, подтянутого и в меру накачанного, с правильными чертами лица. Единственное, что бросалось в глаза так же сильно, как в нашу предыдущую встречу, это его сходство с матерью. Мне кажется, крайне редко бывает, чтобы сын был так похож на свою мать. Причем лицо Сергея вовсе не казалось женственным. Нет, нет, настоящий молодой мужик!

Темно-зеленая военная форма с капитанскими погонами сидела на нем очень хорошо, как бы подчеркивая рельеф тела.

– Вы хорошо знаете меня, Валерий Павлович, вы много лет знакомы с моими родителями, – говорил Сергей, – и мы никогда не обращались к вам за профессиональной помощью. Я примерно знаю, сколько стоят ваши услуги. Не буду сейчас давать конкретных обещаний непременно расплатиться к такой-то точной дате, сами понимаете, на моей должности денежный оклад невелик. Но рано или поздно я с вами обязательно расплачусь. Мне просто нужно чтобы вы немедленно взялись за дело, желательно прямо сегодня. Эта девушка уже две ночи провела в следственном изоляторе. Она, которая никогда никакого отношения к преступному миру не имела! Девочка из благополучной семьи, золотая медаль, на красный диплом идет, спортсменка, красавица – и вынуждена сидеть в камере с наркоторговками и прочим сбродом, за то, чего не совершала!..

– В следственном изоляторе сидят не за что-то, – мягко поправил я. — Это просто мера пресечения, дабы не допустить ухода обвиняемого в бег или каких-то действий, могущих помешать ведению следствия... Хотя, конечно, ей от этого не легче, если она невиновна, как ты утверждаешь.

– Она невиновна, я уверен в этом, –

убежденно сказал Сергей. — Помогите ей, прошу вас. Повторяю, в ближайшее время я обязательно найду возможность с вами расплатиться. Главное, чтобы она была или оправдана в суде, или чтобы ее освободили из-под стражи в связи с недостатком улик. Чем скорее, тем лучше! Представляю, каково ей сейчас сидеть в этом вич-инфицированном свинарнике, вы ж там постоянно бываете, наверняка знаете, какая мерзость этот СИЗО...

Да, в следственном изоляторе я по роду профессии бываю довольно часто. В принципе, половину своих клиентов я впервые встречаю именно в стенах этого малоприятного учреждения на Екатерининском шоссе. Антисанитария, теснота, неаппетитные запахи, хамство администрации, тяжелейший психологический климат — все это есть, все это никуда не исчезло с советских времен. В женском отделении, конечно, получше будет, но для двадцатидвухлетней девушки Насти, за которую просил Сергей Волков, тамошние условия все равно невыносимы, после добропорядочной и спокойной жизни на свободе.

А по поводу помощи... Не то чтобы я совсем не умел отказывать людям, которые обращаются ко мне с просьбами, но в данном случае сказать «Нет, извини, я не могу» и сослаться на кучу неотложных дел было бы непорядочно. Да, да, именно такое слово здесь наиболее уместно, слово, порядком

подзабытое в наш меркантильный век. Во-первых, особой занятости у меня как раз не было, если не считать гражданского дела о взыскании задолженности с физического лица и еще одного дела об административном правонарушении, повлекшем лишение водительских прав. А во-вторых, меня, адвоката Лебедева, связывает более чем тридцатилетняя дружба с матерью этого молодого человека, Людмилой. В далекие семидесятые мы с ней учились на одном курсе, и даже дипломы получали из рук декана в один день. Некоторое время я был в нее влюблен... Впрочем, все парни из нашей группы хоть на несколько дней в нее влюблялся, ничего странного в этом нет, ведь в то время на технических факультетах прекрасного пола было крайне мало, раз два и обчелся. После получения дипломов наши пути разошлись, Люда стала работать по специальности и добилась впечатляющих успехов в рационализаторском деле, у нее на счету около двадцати запатентованных изобретений и примерно столько же научных статей, она заслуженный изобретатель Российской Федерации. Многих наших парней обошла, молодец. Ну а мне с применением полученной специальности не повезло, как-то не лежала душа к формулам и графикам. Зачем, спрашивается, поступал на техническую специальность? Да просто ошибся, принял временный всплеск

интереса чуть ли не за жизненное призвание, да еще к тому же институт недалеко от дома располагался... В старших классах с физикой и химией проблем не было, а вот уже на первом курсе понял: не мое. И через несколько лет, изнывая от скуки в одном малопrestiжном НИИ и почитывая время от времени детективные романы, наконец нащупал то, что меня действительно интересовало. Поступил в Юридическую Академию, успешно ее окончил, и с конца восьмидесятых занимаюсь адвокатской частной практикой. А после восьмидесятых были девяностые – какое время! Грязное, отвратительное, время втаптывания в навоз всех былых идеалов, огульного отрицания всего что было «раньше», время разрушений и катастроф... Но, хоть и стыдно об этом говорить, удивительно плодотворное и насыщенное время для людей моей второй профессии. Разгул преступности – основа благосостояния адвокатов, особенно таких как я, специалистов в области уголовного права. Какие только негодяи ко мне не обращались, каких только подонков не приходилось отмазывать от высшей меры или от зоны!.. Не скажу, что все выигранные мною процессы так уж легко мне дались. Привитые с детства идеалы мешали и по сей день мешают, я ведь с раннего детства усвоил простые истины на тему «что такое хорошо и что такое плохо». Но в

процессе адвокатской деятельности у меня выработался какой-то механизм психологической защиты, смысл которого в том что я научился отделять работу от жизни. Разваливать уголовное дело против какого-нибудь обкурившегося отморозка, совершившего тяжкое преступление ради очередной дозы (и не скрывающего от меня свою виновность) – это моя работа. В конце концов, отморозок тоже гражданин, и имеет те же формальные права, что и остальные жители нашего государства. Отстаиваю его интересы в суде, ищу (и нахожу) прорехи в уголовном деле, полемизирую с прокурором, высасываю из пальца смягчающие обстоятельства – и успокаиваю себя тем, что это всего лишь работа, которую выполняет не конкретный человек Валерий Павлович Лебедев, а тот адвокат, роль которого он играет... Ну, как актер в театре.

– Правильно ли я понял, что задержанная по подозрению в убийстве Анастасия Трофимова – твоя бывшая девушка? – спросил я, и было заметно, как Сергей судорожно сглотнул при слове «бывшая».

– Да, у нас были очень близкие отношения в прошлом году, примерно месяцев семь... Расстались незадолго до Нового года.

– А убитый – это ее новый молодой человек?

– Да... Но не просто новый, он еще и ее

первый мужчина.

– То есть как? – не сразу понял я. Почему-то вспомнился анекдот про студентку, которая на экзамене по экономике не может вспомнить имя английского ученого Адама Смита, преподаватель хочет ей помочь, спрашивает про имя первого мужчины, а она, смущенно улыбнувшись, отвечает: «Витя...»

– Ну, она с ним раньше общалась, еще до знакомства со мной. Они же в одном вузе учились, только на разных факультетах. Потом разбежались, там у них вообще какая-то сложная и некрасивая история случилась... Через какое-то время мы с ней познакомились, у нас завязались отношения, и все было хорошо и безоблачно до определенного момента, пока не начались трудности в общении, как у многих пар случается...

Сергей опять сглотнул и немного помолчал. Расспрашивать его о конкретных причинах расставания с девушкой я не стал. Успеется.

– А вскоре после нашего разрыва, – продолжил Сергей, – она где-то пересеклась с этим самым Колей. Не знаю уж почему, но она снова стала с ним встречаться. Думаю, именно потому, что он ее первый мужчина... Может, вы слышали, есть психологическая теория, что первый сексуальный опыт навсегда откладывается в памяти женщины, и что она при выборе спутника жизни

подсознательно руководствуется эти опытом, ищет во всех представителях мужского пола сходство с тем, первым...

– И тем самым усложняет жизнь самой себе, но ничего не может поделать, – задумчиво сказал я. – А ты сам-то когда узнал, что они опять сошлись?

– Месяца два назад узнал, в марте, а встречаются они с февраля. В прошлом году, когда мы с Настей вместе были, она меня свела кое с кем из своих друзей и знакомых, вот одна из ее подруг мне и сообщила, что опять появился Коля Абрамов, и что они с Настей чуть ли не вместе живут. Подруга, правда, преувеличила, Настя никогда с парнями не жила, только с родителями. У меня она иногда оставалась ночевать, ну максимум двое суток мы вместе проводили, не считая поездки на Черное море прошлым летом. Вот так, наверное, у нее и с Абрамовым было...

– Ну ладно, Сереж, к личным отношениям вашим нам еще придется вернуться чуть позже, – сказал я. – А сейчас расскажи мне, пожалуйста, все, что тебе конкретно известно об убийстве Коли Абрамова. Кстати, как ты вообще узнал, от кого?

– От той же самой подруги и узнал, ее Катей зовут. Она даже не то чтобы подруга, скорее бывшая подруга. Раньше они с Настей неразлучны были, а полтора года назад поссорились, не знаю из-за чего. С тех пор просто варились в одних и тех

же компаниях. Вот эта Катя мне и написала на одном социальном сайте, что позавчера вечером Настя с небольшой компанией ездила на загородный пикник, и там грохнули ее парня, а подозревают в убийстве саму Настю... Я тут же позвонил ее родителям, ее брату, они мне и рассказали все подробности. Брат ее ведь тоже в той компании был, на озере, на его глазах Настю и арестовали менты.

– Не арестовали, а задержали, арестовать в нашей стране может только суд, – по своей профессиональной привычке уточнил я, но сразу сообразил, что расстроеному до глубины души Сергею сейчас не до моих поправок. – Ладно, Сереж, не переживай, мы с тобой все исправим... Давай, излагай со всеми подробностями.

* * *

Фантазия – вот каким талантом обязательно должен обладать творческий человек! Фантазией и воображением. Сам я всегда считал себя человеком творческим, и, не довольствуясь фантазией и воображением, данными мне от природы, усиленно развивал в себе эти качества. И не приходилось для этого придумывать какие-то экзотические приемы, все гораздо проще – нужно читать книги. Не я первым научно обосновал простую и понятную

мысль, что чтение книг намного полезнее просмотра фильмов. Смотрим мы фильм – и уже видим все события на экране, видим людей, видим их действия, видим пейзажи, интерьер помещений, и все это уже в готовом виде, не нужно ничего представлять, просто сиди и смотри, попкорн жуй. Иное дело – чтение. Ведь что такое книга, по сути? Россыпь черных закорючек на белых листах бумаги. И вот эти черные закорючки на белом фоне нам нужно раскрасить в цвета и оттенки, нам нужно силой воображения вызвать в сознании картины событий, портреты людей, выражения лиц, интонации голосов, природные ландшафты, внутреннее убранство помещений... Воистину, кто не читает книг, тот сам никогда не сумеет написать ничего хорошего. И никогда не сумеет раскрыть тщательно подготовленное уголовное преступление, потому что для такой работы фантазия нужна никак не меньшая, чем для создания литературных шедевров.

К превращению звуков и слов в живые образы я приучен с детства, поэтому. слушая немного сбивчивый рассказ моего юного друга, сразу же представлял себе картину происшедшего. Завязка событий была простой и вызывала ассоциации со многими американскими триллерами, в которых группа сексуально озабоченных подростков оказывается в каком-нибудь уединенном местечке и

подвергается атакам безжалостного убийцы в маске, уничтожающего их один за другим при помощи ножа, бензопилы или газонокосилки. Собралась молодежная студенческая компания, шесть человек, две девушки и четверо парней, всем по двадцать два-двадцать три года, одному только брату Насти Трофимовой двадцать пять. Решили провести субботний вечер и последующую ночь на берегу озера Радужного, это в полудне езды на машине от западной окраины нашего города, в сосновом лесу. Все шестеро друг друга хорошо знают, всех связывает по меньшей мере пятилетняя дружба. Среди них имеются две влюбленные парочки. Первая: сама Настя и Николай Абрамов, для которого пикник на озере в конечном итоге стал последним. Вторая парочка: Юлия Назарова и Михаил Григорьев, однокурсники Насти. Все трое учатся в Государственной Академии Высоких Технологий (надо ж было такое название придумать, браво ректору!), на инженерно-экономическом факультете, пятый курс добивают, дипломы пишут. Новый бой-френд Насти тоже учился в этой Академии, только на другом факультете. Теперь ему диплом не нужен... Пятый участник веселой компании – старший брат Насти, Максим. Этот самый Максим Трофимов окончил какой-то не очень престижный вуз двумя годами ранее, по специальности не работает,

продолжает жить в квартире с родителями и сестрой. И шестой – паренек из полурусской-полуеврейской семьи потомственных врачей, Аркадий Завитаев, студент-медик.

Озеро Радужное мне знакомо, бывал там несколько раз. Небольшой водоем, не больше квадратного километра по площади водного зеркала. Вода – чистейшая, берег с одной стороны песчаный, с другой болотистый. Песчаная сторона разделена на две части, одну занимает миниатюрный дикий пляж, другую – студенческая база отдыха. Формально она является собственностью той самой Академии Высоких Технологий, одним из лозунгов которой является всемерная поддержка спорта и здорового образа жизни. По сути, база отдыха представляет собой просто два десятка одноэтажных деревянных домиков, стоящих на некотором удалении друг от друга, такое же деревянное административное здание и будка охранников, в которой обычно сидят двое не очень дряхлых пенсионеров, зарабатывающих прибавку к нежирной пенсии. В июле и августе жизнь на базе бьет ключом, студентов наезжает столько, что домиков не хватает, приходится палатки разбивать прямо под соснами. Впрочем, далеко не все обязательно живут на базе, некоторые приезжают на несколько часов, а ближе к ночи сваливают по домам. На территории

базы расположен лодочный причал, так что есть возможность заниматься греблей. Некоторые студенты, отдыхающие после летней сессии, именно греблей и занимаются, но есть и такие которые просто купаются, загорают, по вечерам пьют водку и пиво и закусывают шашлыком, а по ночам устраивают свою личную жизнь в разных укромных уголках, благо родительского контроля на озере нет, а количество мальчиков и девочек примерно одинаковое... Но так бывает летом, во время каникул, а в середине мая база пустует. Администрация всегда готова предоставить домик любым желающим для проведения уик-энда, за сравнительно небольшую денежную сумму. Причем желающими могут оказаться и люди, не имеющие вообще никакого отношения к Академии.

Вот такой возможностью и воспользовались Настя и ее друзья... Приехали в субботу около шести часов вечера на двух машинах, в одной за рулем Максим Трофимов, в другой – Миша Григорьев. Машины оставили на стоянке, прямо на территории базы, разложили привезенные вещи и продукты в домике. Не знаю уж, чем они там занимались, как себя развлекали и что между ними происходило, но на двадцать два часа местного времени картина вырисовывается такая: все шестеро сидят у самой воды, кто на гранитных валунах, кто на раскладных стульчиках,

употребляют салатики, шашлык и алкогольную продукцию, любят закатом солнца... На ровном месте вдруг разгорается какой-то конфликт между Настей и Колей Абрамовым, и распсиховавшийся парень уходит в домик. До него совсем недалеко, метров тридцать от берега. Кто-то из компании идет за ним, пытается успокоить и вернуть, но мальчик всех посылает к черту и остается в домике. Спустя какое-то время Настя идет вслед за ним, заходит в домик и... А вот дальше непонятно. По мнению Сергея, она обнаружила там труп своего молодого человека с проломленной ударом топора головой, и то ли потеряла сознание, то ли выскочила из домика и позвала остальных ребят на помощь. А вот по мнению дежурного следователя, который прибыл на базу в составе оперативно-следственной группы около двадцати трех часов, никакой труп она в домике не находила, зато собственноручно обработала топором своего обидчивого молодого человека, нанесла ему несовместимые с жизнью ранения и только после этого позвала на помощь. Следователь ей не поверил и прямо с пикника отправил в следственный изолятор, где она и пребывает по сей момент.

Понятно, что Сергей Волков не сообщил мне всех подробностей. Он и не мог их знать, его ведь там не было. У меня в голове носилось множество

вопросов, на которые очень хотелось бы получить ответы. Но для того чтобы получить ответы, нужно общаться с непосредственными участниками разыгравшейся на озере драмы, и в первую очередь с самой Настей.

– Если ее задержали вечером в субботу, то есть позавчера, значит, сегодня должны либо освободить, либо отправить в суд для решения вопроса о дальнейшем содержании по стражей. До суда гражданин может находиться в камере не более сорока восьми часов...

– Да был уже суд, сегодня, в двенадцать! – раздраженно перебил меня Сергей. – Вынесено решение о заключении под стражу на два месяца. Мне ее брат по телефону рассказал про этот фарс, и про судью-крысу, которая Настю и не слушала даже, бумажками пошуршала, сама с собой посовещалась и вынесла решение... Ни чистую биографию в расчет не приняла, ни положительные характеристики с места учебы! Я не знаю, кем надо быть, чтобы такую девочку в камеру отправить, в вонь и грязь...

– Как фамилия судьи? – поинтересовался я.

– Не знаю, Макс не сказал. Из районного суда Западного района, маленького роста, лет пятьдесят с небольшим... Вот зачем надо было Настю в камеру, что, неужели нельзя было под залог или под подписку освободить?

Я только вздохнул. Несмотря на все разговоры о гуманизации правосудия, реальная практика наших судов остается прежней, заточенной на обвинение и досудебное содержание под стражей. Подписку или залог суд может применить в качестве меры пресечения, если речь идет либо о пустяковом преступлении типа кражи бутылки коньяка в магазине самообслуживания, либо об экономическом преступлении, когда обвиняемым является высокопоставленное уважаемое лицо, которое клятвенно обещает вернуть в бюджет все украденные деньги, до копейки. А уж если человек, обычный среднестатистический гражданин, обвиняется в тяжком насильственном преступлении, и прокурор ходатайствует о заключении под стражу, то можно не сомневаться: в девяти из десяти случаях судья ходатайство удовлетворит. В случае же с Настей Трофимовой не было даже одного шанса из десяти, учитывая личность судьи. Сергей не знал фамилии, но пол и возраст говорят сами за себя. Ну не может пятидесятилетняя женщина с сединой в волосах, климаксом и налевоходящим мужем гуманно отнестись к молодой стройной красавице! Не может! Она в этой красавице будет видеть потенциальную соперницу, потенциальную стерву, которая того и гляди уведет непостоянного мужа-теленка из постылого семейного стойла... Не

раз и не два я наблюдал в разных судах мерзкие картины сведения счетов с молодыми девушками и женщинами, и мне как мужику в такие моменты хотелось вообще отправить на досрочную пенсию всех женщин-судей старше тридцати пяти лет.

– Она красивая? – вдруг спросил я.

– Кто?

– Твоя Настя.

И опять Волков сглотнул, подумал немного, достал из сумки фотографию и положил на стол. Осторожно взяв ее в руки, я несколько минут смотрел на запечатленную на снимке стройную блондинку. Все мужское възыграло во мне... Настя Трофимова была непостижимой, умопомрачительной красавицей.

– Валькирия... – с нескрываемым восхищением произнес я. – Настоящая Валькирия из древнегерманской легенды. Мне жаль, что ты ее потерял, Сережа.

– Валькирию она и мне тоже напоминала, белокурую деву-воительницу... Но чаще всего я называл ее Снежной Королевой.

* * *

– Добрый вечер, Снежная Королева.

Девушка изящно повернулась, и Волков потонул в океанах ее глаз. Возле огромного здания

городской филармонии было довольнолюдно, но он никого не видел, кроме той, с которой неделю переписывался на сайте знакомств и вот наконец встретился в реальности.

– Здравствуй, Сережа, – Настя улыбнулась, и Волков молча восхитился ее голливудской улыбкой.

– Хорошее место мы с тобой выбрали для первой встречи, да?

– Очень хорошее... Я здесь часто бываю, на разных концертах, и всегда получаю море удовольствия. Знаешь, мне часто говорят, что я не похожа на меломанку, любительницу классической музыки. Говорят, слишком уж я беззаботная, жизнерадостная и современная, чтобы восхищаться «Гибелью богов» и «Лунной сонатой»... Но что же поделать, если я от них и правда летаю?...

«Ничего не надо делать, ангелу и положено летать, хоть с музыкой, хоть без музыки», – подумал Волков.

– Музыкальные пристрастия отдельно взятого индивидуума далеко не всегда соответствуют его личности, – изрек он вслух. – Вот у меня нет никакого музыкального образования, да и слух тоже хромает, хотя попеть в караоке могу иногда, под настроение... Кстати, а мне часто говорят, что мои вкусы чуть ли не шизофренические, настолько широкий диапазон, от Моцарта до Виагры.

– Я думаю, нам будет интересно друг с другом, – опять улыбнулась Настя. – Куда мы сейчас пойдём?

– Поблизости есть одно прекрасное местечко, называется «Парадиз». Я бы предложил тебе немного посидеть там. Пойдем, нам вон туда, через сквер.

– «Па-ра-диз», – по слогам произнесла девушка, когда они проходили мимо начинающих зеленеть кустов сирени, – на некоторых языках это слово означает «рай».

– Так оно и есть, – кивнул Сергей. Когда Настя упомянула про языки, он смутно ощутил в ее речи легкий, едва уловимый акцент. Как будто нечто прибалтийское, то ли латышское, то ли литовское.

– Настя, а какие иностранные языки ты знаешь?

– Хороший вопрос... Видишь ли, для меня три языка являются родными: русский, польский и французский. А в школе и в Академии я изучала английский, now I speak English quite fluently.

Девушка перешла на английский так внезапно и непринужденно, что Волков даже немного растерялся от неожиданности. Сам он тоже «спикал» почти свободно, но говорить об этом не стал. Иначе пришлось бы объяснять, где именно он так поднаторел в языке Шекспира, а

распространяться на эту тему Сергей не любил.

– Да, помню, ты мне писала о своем происхождении от эмигрантов первой волны... Но ведь папа и мама у тебя русские?

– Мама – да, а папа – не совсем. По паспорту числится русским, но одна из его бабушек была чистокровной француженкой, правда, большую часть жизни она прожила в Канаде. Его другая бабушка – чистокровная полячка. Семейная легенда гласит, что она является потомков самого Тадеуша Косцюшко. Тебе же знакомо это имя?

– Естественно, – кивнул Сергей и вкратце пересказал биографию польского национального героя, посвятившего всю жизнь борьбе за воссоздание великой Речи Посполитой, от моря до моря. Он еще в ходе виртуальной переписки отметил эту привычку Насти – невзначай упоминать в разговоре какое-то имя или какой-то факт и наблюдать за реакцией собеседника – знает или не знает? слышал или не слышал? думал или не думал?... Волков и сам любил проверять эрудицию знакомых и малознакомых людей, и привычка Насти Трофимовой пришлась ему по душе.

– Какая ты полиэтническая девочка, – усмехнулся он. — А меня всегда занимали национальные вопросы. Ну вот, в частности, такой: как чувствуют себя представители нацменьшинств в России? Не те таджики, которые приезжают сюда

на заработки от тяжелой жизни в независимом Тожикистане, а те армяне или татары, которые здесь родились и выросли? Или вот ты... Чувствуешь ли ты себя в полной мере русской?

– А как же иначе, – пожалала плечами девушка.
– Я ведь сама-то родилась уже здесь, на Урале, и даже папе моему было только двенадцать лет, когда дедушка с бабушкой решили перебраться из Квебека в СССР. По большому счету, я самая обыкновенная... Ну, на трех языках с детства разговариваю, спасибо за это бабке с дедом, вечный покой да будет им...

«Вечный покой»... Начальные слова католической молитвы. «Обычный» русский человек сказал бы: «Да будет им земля пухом». Волков незаметно скосил глаза на идущую рядом Настю. Она интересовала его все больше и больше.

Кафе «Парадиз» располагалось в полуподвальном помещении. Дневной свет туда не проникал. Оно как будто специально было обустроено для романтических свиданий. Мягкий приглушенный свет, сочащийся с потолка. Уютные кабинки, отделенные одна от другой метровыми перегородками. Мягкие кожаные диванчики. На каждом столике — изящный светильник, который посетители могли включать и выключать по своему желанию. Негромкая музыка в стиле ретро... Шумных застолий с компаниями по десять человек

здесь почти не случалось. В основном – парочки.

Волков провел Настю Трофимову к тому столику, который он обычно занимал, приходя сюда с представительницами прекрасного пола. Молодой улыбчивый официант едва заметно кивнул ему в знак приветствия, на мгновение задержал взгляд на Насте, не сдержался и украдкой показал Волкову большой палец в знак восхищения. Память у официанта была хорошая, постоянных посетителей он знал в лицо, а Сергей появлялся в «Парадизе» не реже чем раз в две недели. Через несколько минут на столе появилась бутылка крымского игристого вина, пара салатиков, мясное ассорти, тарталетки с сыром и оливки без косточек. Гастрономические и алкогольные предпочтения Насти Волков успел изучить еще в ходе виртуальной переписки. Он знал, что никаких особых диет девушка не придерживается, однако ужинать старается не очень поздно и не очень обильно, сладкого почти не ест, крепкие спиртные напитки не употребляет, предпочитает шампанское или мартини. Блюд японской кухни в «Парадизе» не подавали, а то бы Сергей непременно заказал для нее еще и роллы, к которым сам он был равнодушен, но которые, как ему было известно, очень нравились Насте.

Хлопнула пробка, искрящееся вино полилось в высокие фужеры. Волков умел наливать

шампанское аккуратно, так, чтобы шипучая пена не переливалась через край. Тремя пальцами взяв фужер за тонкую ножку, он внимательно посмотрел на сидящую напротив Настю. Из глаз ее струился волшебный свет... «Неужели никто кроме меня ничего этого не замечает? Ведь она же ходит по улицам, ездит в транспорте, ходит на занятия в своей Академии... Неужели только я один вижу этот холодный свет в ее глазах? На что он похоже? На северное сияние, вот на что...»

– Давай выпьем, Снежная Королева, – тихим голосом обратился он к ней. – Выпьем за нашу первую встречу... Обычно говорят «за знакомство», но мы ведь с тобой уже целую неделю знакомы, заочно.

– Конечно, – она наклонила голову. – Мне с тобой очень нравилось переписываться, Сережа. Моя анкета была на сайте совсем недолго, но мне многие писали, и некоторым мужчинам, с наиболее адекватными анкетными данными, я отвечала. Разочарование наступало быстро, – она усмехнулась, – очень быстро. Почти сразу начинались стереотипные мужские вопросы: а есть ли постоянный парень? а если нет, то почему? А когда у меня последний раз был секс? А в каком возрасте у меня был первый секс? А не желаю ли я составить компанию для совместного похода в ночной клуб? Это я еще не говорю про откровенные

гадости, которые мне писали...

Они осторожно чокнулись фужерами. С наслаждением потягивая холодное вино, Волков поинтересовался:

– А мои вопросы тебе не показались нескромными? Я ведь тоже расспрашивал тебя о прошлых отношениях, о твоих мужчинах... Меня действительно удивило, что такая девушка пользуется сайтами знакомств, с твоими-то внешними данными.

– Ты задавал вопросы в такой форме, что на них хотелось отвечать... Содержание — первично, форма — вторична, но ведь она тоже важна, она же всегда лежит на поверхности. Очень часто за красивой внешней формой можно не заметить внутреннего содержания... А что касается причин, по которым я зарегистрировалась на сайте... Дело ведь не в том, что мною никто не интересуется. А в том, что меня никто не может увлечь и всерьез заинтересовать на длительное время... Так мало интересных, ярких личностей в Городе. — Она сделала паузу, глотнула из фужера. — Да и вообще, разве такое редко, чтобы красивая женщина оставалась одна, без мужчины?

Вопрос был явно риторический, отвечать на него Волков не стал. Ему понравилось отсутствие в девушке ложной скромности. Сама себе сделала комплимент, молодец.

– Ты очень красивая, Анастасия, – сказал он, стараясь вложить в интонации максимум проникновенности. – Фотографии, которые ты мне отправляла по e-мейлу, были бесподобны, но живую ты выглядишь еще эффектнее, это факт.

– Мне очень приятно, что ты так думаешь, Сережа.

«Мне очень приятно, что ты так думаешь». Большинство знакомых девушек Сергея сказали бы просто «спасибо». Непростая особа...

– И еще мне очень приятно, что ты меня пригласил в это замечательное место, здесь царит именно та обстановка, какая мне нравится.

Сергей тогда не счел нужным рассказывать Насте о ее предшественницах, которых он точно так же приводил на первое свидание в «Парадиз». Точнее, не стал рассказывать об их количестве. А месяцем позже, в постели, разговорившись после любовных утех, он ей расскажет о своих интимных приключениях... «Ну что ж, это так естественно для мужчины», скажет тогда Настя и улыбнется...

Они провели за разговорами около двух часов. Говорили о музыке и живописи, о путешествиях и домашних животных, о книгах и фильмах, о православии и католицизме, вспоминали забавные случаи из своей биографии... Первая бутылка быстро опустела, Волков заказал вторую. Он уже точно знал, что встреча эта не последняя, их будет

еще много, и что Настя Трофимова не станет для него девушкой на одну ночь. Он не торопился, не гнал лошадей, не сводил разговор к интимным темам. Просто сидел и смотрел в глаза собеседнице, только пару раз коснулся ее руки, лежащей на столе. Расплатившись и выйдя из кафе в вечерний полумрак, не стал зазывать девушку к себе домой «продолжить знакомство», а просто проводил ее до ближайшей автобусной остановки и посадил в маршрутку. Сам сел в автобус и поехал домой. Сидел в полупустом салоне и вспоминал глаза цвета морской волны и льющийся из них холодный свет. И понять не мог, почему ему так тепло было от этого холода, почему так хотелось окунуться с головой в глаза Снежной Королевы... Феномен «теплого холода» оставался для него необъяснимым еще долго, пока Настя не помогла ему найти разгадку.

Глава 2

Семья у меня самая обычная, жена и дочка. С женой меня связывает тридцать лет брака, во время которого случалось всякое, в том числе и самое тяжелое. Тем не менее, мы жили и живем, и я теперь не представляю свою жизнь без любящей и любимой супруги.

А вот дочка... Она мне доставляла и великие

радости и великие горести. Какой это был очаровательный ребенок, как мило мы с ней играли во все, во что только можно играть... Почти не болела в детстве, рано начала ходить и говорить, читать и писать. Пошла в школу и до поры до времени радовала нас своими отличными отметками. А вот лет в четырнадцать начались проблемы. То зеркало разгрохает, в порыве недовольства своей внешними данными. То в школе с учителями поскандалит из-за какого-нибудь неосторожного замечания в свой адрес. То домой ночевать не придет, а ведь тогда ни мобильных телефонов, ни пейджеров еще не было, так что нервов мы с женой основательно поистратили. Чуть позже мальчики появились, да ладно бы нормальные мальчики, я бы только рад был, а то ведь явно полукриминальный элемент... В начале девяностых я как раз начинал свою карьеру адвоката, да и отцовское чутье не подводило, так что никаких иллюзий насчет новых знакомых моей Зинаиды не питал.

Не доглядел, не досмотрел, не пожелал давить на дочь, понадеялся на ее здравый смысл, не проявил твердости, был слишком занят работой... Сейчас какие угодно можно оправдания искать и находить, но тогда, в девяносто шестом, когда Зину с тяжелойшей передозировкой увезли в больницу, где вдобавок еще и выяснилось, что она на втором

месяце беременности, я думал только об одном: пусть выживет. Какая-никакая, но она моя дочь. Молодые парни и девчонки в те годы сваливались в наркотическую яму целыми стопками и косяками, и большими баловнями судьбы можно считать тех из них, кто сумел из этой ямы выкарабкаться, не оставив в ней свое здоровье и свои мозги...

Ценой невероятных усилий нам с женой удалось поставить Зину на ноги. Внук наш умер, не родившись. Длительное лечение за умопомрачительные деньги, бесконечные воспитательные беседы, принудительное помещение в психушку... Но с тех пор она никогда, вообще никогда не прикасалась ни к наркотикам, ни к алкоголю, вернулась в одиннадцатый класс и сравнительно успешно окончила его, правда, на год позже, чем могла бы. С моей помощью сдала вступительные экзамены в Юридическую Академию, прошла пятилетний курс обучения, получила диплом и вот уже пять лет работает у меня, в должности помощника адвоката.

Умом и сообразительностью моя Зина не блещет, инициативу проявлять тоже не склонна. Зато она очень исполнительная и ответственная девушка, старательно выполняет все мои поручения, умеет толково работать с документами. А больше всего я ценю в ней навык получения информации от самых разных людей. Она может

разговорить кого угодно, от старушки на лавочке до маститого университетского профессора. Работа адвоката по конкретному уголовному делу сродни работе следователя, только следователь допрашивает, и граждане не имеют права его послать подальше, а адвокат просто беседует, и послать его может любое физическое лицо. Меня иногда посылали. Зинаиду – никогда.

Сразу после того как расстроенный, но обнадеженный Сергей вышел из моего офиса, я позвонил дочери, и, узнав, что она вот-вот закончит свои дела в службе судебных приставов, попросил ее заехать ко мне. Живет она отдельно, квартира ей перешла по наследству от моих родителей, так что все рабочие вопросы мы обсуждаем именно в офисе.

– Ты ведь помнишь Сережу Волкова, сына моей институтской подруги? – спросил я, когда Зина приехала.

– Помню. Но мы же с ним виделись очень давно, еще когда оба детьми были... Вроде бы он на пять лет моложе меня. А что с ним?

– Не с ним, а с его бывшей девушкой. Ее обвиняют в убийстве. Сережа попросил меня разобраться в ситуации и добиться ее скорейшего освобождения.

Я, конечно, мог бы пересказать Зине разговор с Сергеем, но в этом не было необходимости. Когда

ко мне в офис кто-либо приходит, я незаметно включаю диктофон, и вся беседа записывается, причем в высоком качестве. Когда Зина прослушала запись до конца, она спросила:

– Как мы будем ей помогать? Следователь ее так просто не выпустит, если уж счел нужным задержать.

– Мы будем искать того, кто на самом деле завалил Колю Абрамова. Если мы в ходе расследования найдем улики, указывающие на виновность другого лица, мы предъявим их следователю. Если же мы в процессе своего расследования придем к выводу, что преступление совершила именно Настя, то мы следователю об этом не скажем и просто будем ждать суда. А уж там как повезет. Я незадолго до твоего прихода звонил в следственное управление и узнал, в чьем производстве находится дело об убийстве Абрамова. Следователь по фамилии Харченко. Не очень молодой мужик, средних способностей, звезд с неба не хватает. Не очень грамотен как юрист, процессуальные нормы не всегда строго соблюдает. В прошлом году вел дело о крупной краже драгоценностей, погорел на мелочи: когда изымали вещественные доказательства, дубликаты ключей от сейфа, оба понятых, муж и жена, находились в состоянии опьянения. Протокол-то они подписали, да только защита уцепилась за их нетрезвый вид и

подкинула суду мысль, что все эта процедура с изъятием подстроена оперативниками и самим Харченко. В итоге обвиняемого на всякий случай признали виновным в незаконном проникновении в жилище и дали условный срок, хотя я больше чем уверен, что цацки стырил именно он...

– То есть ты надеешься на то, что и по делу об убийстве Абрамова тоже будут нарушения?

– Надеюсь. И еще я надеюсь на то, что суду эти нарушения покажутся существенными. Видишь ли, Анастасия Трофимова – очень красивая девочка, а судить ее будет какая-нибудь не очень красивая тетя, так что шансов у нее меньше, чем у того рецидивиста, похитителя драгоценностей. – Я сделал паузу, побарабанил кончиками пальцев по полированной поверхности стола. – Но наша задача-максимум состоит в том, чтобы найти настоящего виновника. Если мы дадим Харченко неопровержимые факты, он будет вынужден Трофимову отпустить. Откровенно говоря, я разделяю настроение моего юного друга Сережи... Нельзя такой девочке сидеть в камере.

До восьми часов вечера мы вдвоем разрабатывали план действий на завтрашний день, распределяли между собой фигурантов дела, которых предстояло опросить, собирали информацию о них с помощью баз данных и социальных сетей. До знакомства с материалами

уголовного дела я обычно стараюсь не строить преждевременных версий, такая поспешность в будущем может помешать правильному восприятию ситуации. Не хотел я ничего загадывать и сейчас. Но человеческий мозг живет своей жизнью, думает о том о чем хочет, и ничего с ним не поделаешь. Так вот, мой мозг уже в тот вечер настойчиво подсказывал мне, что, если Настя Трофимова не убивала своего парня, то настоящего убийцу следует искать среди граждан, которые открыто и законно находились в тот вечер на базе отдыха. Включая двоих охранников, таких людей насчитывалось всего шестеро.

* * *

На следующее утро я прибыл в следственное управление, предварительно договорившись со следователем о встрече. Федор Михайлович Харченко, невысокий, склонный к раннему облысению мужичок, из тех, которых принято называть «плюгавенькими», принял меня в своем насквозь прокуренном кабинете. Сам я распросился с вредной привычкой много лет назад, но по роду деятельности мне приходилось общаться с людьми в очень разных условиях и разной атмосфере, так что никотиновый смог меня не смущал.

После улаживания некоторых формальностей («Как? А разве это вы адвокат Трофимовой? Ей же вроде уже назначили адвоката...»), я задал Федору Михайловичу простой вопрос:

– На основании чего задержана Настя Трофимова?

– Гражданка Трофимова задержана в порядке статьи девяносто первой Уголовно-процессуального кодекса, – внушительно начал Харченко, – и судья вчера согласилась с обоснованностью такой меры пресечения...

– Давайте говорить более простым языком, – мягко перебил я. – Какие у вас есть конкретные основания для обвинения в убийстве моей подзащитной? Кто-то видел, как она наносила удар топором?

– Никто не видел, – неохотно согласился следак, и далее заговорил короткими отрывистыми фразами, прямо как робот. – Но. Во-первых. За полчаса до убийства между Трофимовой и Абрамовым произошла ссора. В присутствии четырех свидетелей. Вчера всех опросил, все подтвердили. Во-вторых. Абрамов бросил своих друзей на берегу, ушел в дом. Пятеро остались у воды. Примерно через десять минут свидетельница Назарова пошла в дом за курткой, замерзла. В доме видела Абрамова. Живого. Еще минут через пять в дом пошел ее парень, Григорьев, забрать с зарядки

сотовый телефон. Тоже видел Абрамова. Живого. Вернулись вместе с Назаровой на берег. После этого все пятеро оставались на месте, никто никуда не уходил, расхождений в показаниях нет. Все четко, все последовательно.

Я внутренне нахмурился. Пока ничего обнадеживающего.

– Примерно десять минут одиннадцатого Анастасия Трофимова молча встает и уходит в дом, – продолжил Харченко. – До оставшихся на берегу ребят доносится ее крик, они бегут следом и видят на полу труп Абрамова. Голова расколота надвое, здесь же валяется топор, лужа крови и мозгового вещества...

– Отпечатки?...

– На орудии убийства отпечатков нет, все стерто. Кухонным полотенцем, которое там же валялось, возле умывальника. Кстати, этим полотенцем они все руки вытирали, а возможности наших экспертов не безграничны. Установить, прикасался ли к этому куску ткани какой-нибудь седьмой человек, не получилось...

– А туда что, водопровод провели? – удивился я.

– Нет. Там обычный такой ручной умывальник, какие в дачных домах бывают.

– А топор откуда взялся? Местный?

– Да, местный. Прямо у стены дома стоит

ящик с дровами, уже наколотыми, на крышке ящика лежит топор. Вернее, лежал. Все шестеро, в том числе ваша подзащитная, утверждают, что дрова они в тот вечер не кололи, обошлись привезенным с собой углем и жидкостью для розжига. Топор видели все, но никто его в руки не брал.

— А следы крови на одежде Трофимовой обнаружены?

— Нет.

— Как же так получилось? — язвительно спросил я. — Когда убиваешь человека топором по голове, то хотя бы мелкие, невидимые глазу брызги должны попасть и на собственную одежду.

— Валерий Павлович, я не первый год на следствии работаю. И знаю, что следов крови может и не быть. Смотря как ударить. Угол удара имеет значение, траектория падения тела... Скажем так: брызги крови на одежде подозреваемого почти всегда свидетельствуют об его виновности, а вот отсутствие таких брызг ни о чем не свидетельствует. Пообщайтесь с экспертами, они подтвердят.

Харченко вынул из пачки сигарету, прикурил от спички. Надо же, кто-то еще предпочитает пользоваться спичками, а не зажигалками.

— Ну, а третье что?

— Не понял.

– Вы сказали «во-первых, во-вторых...». Или это все?

– Не все. Есть показания двоих охранников. У них в должностной инструкции написано: если на базе есть отдыхающие, то следует держать их в поле зрения, следить за соблюдением пожарной безопасности, за личным автотранспортом на стоянке. И периодически обходить территорию базы по периметру.

– И...

– Они следили. Обходили. Никого из посторонних не видели. Шума автомобилей не слышали. На эту базу можно добраться только на машине, от железнодорожной станции километра четыре будет, если через лес, а по дороге все пять. Место глухое, дорога грунтовая, тупиковая.

Я задумался. Географическое положение озера Радужного для меня не было секретом, я и раньше знал, что без машины туда добраться очень трудно. Да и на машине не велика радость трястись по ямам и колдобинам, дорога-то еще та... Ближайший населенный пункт, поселок сельского типа Сосновка с одноименной станцией железной дороги, действительно расположен в четырех километрах по прямой. Потому Радужное до сих пор и сохраняет свою экологичность, мало находится желающих разбивать подвеску автомобиля или плестись целый час пешком со

станции. Кто же мог в майский вечер пробраться на территорию студенческой базы, да так что ни охранники, ни отдыхающие его не видели и не слышали?...

– Насколько я знаю, проникнуть на базу отдыха можно беспрепятственно, – заметил я, стараясь говорить уверенно. – Никаким забором, даже символическим, она не обнесена. И там ведь не голая степь, там сосны, кусты... Посторонний человек при желании мог бы незаметно зайти в дом, расколоть череп Абрамову, быстро выскочить и скрыться в лесу.

– Оочень гипотетически, оочень теоретически, – открыто усмехаясь, протянул Харченко, – мог бы. Но вот кто? Местный житель, заблудившийся в лесу? Шел себе да шел, грибы собирал в лукошко, в середине мая, вдруг видит – студенты на берегу оттягиваются. Взял топор с ящичка для дров, зашел в домик и ни с того ни с сего раскроил голову Коле Абрамову. Разве правдоподобно?

– Вполне. Решил наудачу пошариться в домике, ведь студенты все свои вещи туда сложили, наверняка и денег хоть немного с собой было, и фотоаппарат кто-то мог взять, и сотовый телефон... Сами говорите, Григорьев свой телефон заряжал. Вошел этот местный житель в домик, а там Коля. В такой ситуации можно, конечно, сказать, что вот,

типа, по ошибке зашел, извиняйте. А можно разок махнуть топором и убежать, тоже вариант.

– Нет, Валерий Павлович, возможность случайно оказавшегося рядом мелкого воришки я исключаю. Если бы у него целью была кража, для чего бы он с топором в домик поперся?

Я немного подумал. Товарищ Харченко, которого я мысленно стал называть Достоевским (не только из-за имени-отчества, но и из-за присутствия в уголовном деле соответствующего оружия!), говорил в общем-то правильные вещи. Обманывать меня по поводу свидетельских показаний ему не резон, все равно ж у меня доступ ко всем материалам дела есть. И по поводу возможности проникновения посторонних на базу тоже вполне логично. Но вслух я сказал другое:

– Федор Михайлович, «маловероятно» не значит «абсолютно исключено». Версию с участием посторонних лиц вы не должны отбрасывать...

И вот тут-то меня ждал болезненный удар.

– А вот ознакомьтесь с протоколом осмотра места происшествия, – торжествующе произнес Достоевский и протянул мне через стол несколько скрепленных степлером листов бумаги. – В состав оперативно-следственной группы входил кинолог со своим питомцем. Они осмотрели, точнее, обнюхали землю вокруг домика. Окна там такие маленькие, что взрослому человеку ну никак не

пролезть, стало быть, убийца мог уйти только через единственную дверь. Так вот, все следы от входной двери ведут на берег. Вглубь леса собака двинулась было, но возле ближайших кустов остановилась.

– Значит...

– Ничего не значит! Ничего, кроме того что девочка по имени Юля и по фамилии Назарова, когда бегала в домик за курткой, добежала заодно и до этих кустиков, по малой нужде, – еле сдерживая смех, сообщил следователь. – Об этом она мне сама вчера рассказала, когда я выяснял все их передвижения с половины десятого до начала одиннадцатого.

Неприятное известие... С собакой не поспоришь, ей мои аргументы нужны как пятая лапа. Если она решила, что в тот вечер посторонние люди от гостевого домика в лес не уходили, значит, так оно и будет. Мой небогатый опыт общения со служебными собаками подсказывает, что даже очень хорошая ищейка может иногда ошибаться. Неблагоприятные метеоусловия могут повлиять, или беглец начнет заячьи петли крутить... Да мало ли возможностей! Только вот каким образом я смогу сейчас, на третий день после убийства, доказать, что какая-нибудь овчарка не сумела взять след?

* * *

Дочь и помощница адвоката Лебедева держала путь в Центр судебно-криминалистической экспертизы. То было первое поручение, которое дал ей отец в связи с делом об убийстве Николая Абрамова. Свои задания он всегда проговаривал очень четко, долго прикидывал, какие непредвиденные ситуации могут возникнуть, если Зина пойдет туда-то и поговорит с тем-то. Постоянно советовал не самодельничать, не пытаться прыгнуть выше головы. «За проявленную инициативу, если она приведет к негативным последствиям, я тебя не накажу, потому что я – твой отец. Но тебя накажет само дело, которое мы с тобой делаем. Я знаю, ты тоже опытный юрист, сколько лет вместе работаем. Но у меня опыта еще больше, так что доверься мне, просто выполняй в точности мои поручения, и ничего сверх», – говорил он, и бывшая наркоманка Зина Лебедева испытывала двойственные чувства. С одной стороны, она понимала отца, в свое время прошедшего вместе с ней тяжелейшие испытания. Нет, не вместе с ней, а по ее вине. А с другой стороны – ну ведь восемнадцать лет уже прошло, и между ней и той малолетней дурой почти ничего общего не осталось... Не слишком ли отец оберегает ее? Имеет ли смысл так рьяно ограничивать ее инициативу? Она ничуть не глупее

своего отца, она обязательно предоставит ему возможность в этом убедиться. Тогда он поймет, что все его старания были не зря...

В Центре судебно-криминалистической экспертизы у нее имелись хорошие знакомые. Впрочем, как и во всех структурах, так или иначе связанных с расследованием преступлений. Ничего удивительного: из группы, в которой она училась, три человека стали теперь были следователями, один – прокурором маленького провинциального городка, человек пять трудились в уголовном розыске и столько же – в уголовно-исполнительной системе. У каждого из них, соответственно, тоже хватало друзей и знакомых, так что при желании можно было найти опору в любом государственном юридическом учреждении.

Через несколько минут Зина уже разговаривала с сорокадвухлетней женщиной, экспертом-криминалистом Натальей Горчаковой. Той самой, которая в ночь с субботы на воскресенье проводила осмотр трупа Николая Абрамова.

– Самый обычный случай, Зина, — со вздохом констатировала она. – Ничего интересного с точки зрения судебной медицины.

– Наталья Сергеевна, можно поподробнее, — попросила Лебедева. — Я бы сама посмотрела, но вы же знаете мою слабость...

У Зинаиды Лебедевой была только одна

слабость, которой, в принципе, не должно быть у юриста, специализирующегося по уголовным делам. Она панически боялась хоть как-то контактировать с мертвыми телами. Было ли это последствием разрушительного влияния наркотиков на подростковую психику, или просто врожденной особенностью, но справиться со своим страхом Зина не могла. Впрочем, отец никогда и не давал ей заданий, предполагавших визуальный осмотр трупа.

– Знаю, – кивнула Горчакова, – только не тех ты боишься. Мертвые — они может и неприятные на вид, зато безобидные. Не тех бояться надо, кто на столах в морге лежит, а тех, кто по земле ходит... Ну да ладно, я тебе и на словах все обскажу.

По заключению эксперта Горчаковой, на теле убитого Николая Абрамова имелись два повреждения. Совершенно несопоставимые по тяжести, они, тем не менее, появились в одно и то же время. Первое: небольшая гематома в области паха. Появилась в результате нанесения удара тупым предметом, предположительно носком обуви или просто кулаком. Второе: тяжелейшая черепно-мозговая травма головы, повлекшая смерть. Удар топором был нанесен так, как будто убийца стоял на табуретке, возвышаясь над своей жертвой.

– То есть как? — удивилась Зина. — Абрамов разве такой низкорослый был?

– Среднего роста, сто семьдесят три сантиметра. Но дело не в росте. Никакой табуретки не было, и убийца мог быть даже ниже самого Абрамова. Вспомни про гематому в паху! Убийца столкнулся лицом к лицу с Абрамовым, пнул или ударил его в область паха, тот от боли согнулся, прижав руки к причинному месту. В этот момент его ударили топором по темени. Мгновенная смерть...

– Какое-то женское убийство, – задумчиво проговорила Зина, – вот скажите, зачем нужно было сначала пинать?...

– Выводы делать вам. Кстати, эту фразу я и оперативникам сказала. Но если ты, Зиночка, моим мнением интересуешься, то изволь. Когда два человека стоят лицом к лицу и один на другого замахивается топором, то второй или отскочит, или пригнетса, или руками прикроется, или вообще нанесет упреждающий удар. Если, конечно, он не под гипнозом, не пьян в стельку или не спит в вертикальном положении. Поэтому парня сначала и ударили промеж ног, ведь такой удар не требует длинного замаха. Когда тот согнулся, ему и проломили голову топором. Вполне разумно.

– То есть, получается, по технике убийства мы не можем сделать вывод о половой принадлежности

преступника?

— Фу, как ты официально говоришь, — рассмеялась Горчакова. — Но смысл ты поняла верно. Не можем. И мужик, и баба могли такое сотворить. Если баба, то она должна быть сильной и тренированной. Но чемпионкой по толканию ядра ей для этого вовсе не обязательно быть. А если мужик, то он просто должен быть в состоянии поднять топор над головой. Даже в эпоху повальной деградации мужского населения большинство из них на такое остаются способны...

Что ж, расстраиваться не будем, отрицательный результат тоже имеет свою ценность. Зина и не рассчитывала, что судебный медик скажет ей: «Нет, женщина совершенно точно не могла бы убить таким способом...». Следователь Харченко ведь тоже не дурак, он вряд ли бы предъявил обвинение Насте Трофимовой, если бы специалисты заверили его в том, что по своим физическим кондициям она не способна на такое деяние. Слишком уж просто было бы.

* * *

На второе свидание Волков пришел прямо со службы. Настя с интересом окинула взглядом его статную спортивную фигуру, облаченную в идеально подогнанную по размеру темно-зеленую

форму.

– Ты очень эффектно выглядишь, – заметила она, мягко улыбаясь.

– Редкому мужчине форма не идет, разве что моему тезке, Сереже Звереву, – шутливо заметил молодой человек, – а вот ты сегодня действительно выглядишь... Сейчас, секунду, подберу подходящее словечко... – он на секунду задумался, – мужчинопривлекательно! Да, вот именно, мужчинопривлекательно!

Казалось, он смотрит прямо в глаза Насте, но на самом деле Сергей уже успел по высшему баллу оценить обалденные ножки, любоваться которыми нисколько не мешала сиреневая миниюбка. Искусством бокового зрения Волков старательно овладевал несколько последних лет, и молодым женщинам импонировала его привычка во время беседы смотреть непосредственно в глаза, а не пялиться с открытым ртом в глубокий вырез платья или блузки.

Место, куда направились молодые люди, разительно отличалось от романтического «Парадиза». Большой зал с высоким потолком, на девятом этаже недавно выстроенного высотного билдинга. Сквозь широкие окна открывается роскошный вид на городской пруд и старую часть Города. Громкая современная музыка. Мелькающие огни под потолком. Обширный танцевальная

площадка, по которой в меру своих способностей двигались парочки и одинокие девушки. Наблюдалась также высокая концентрация кавказского элемента среди посетителей, причем двое молодых армян за соседним столиком приветствовали Волкова дружелюбными жестами.

Сергей и Настя с аппетитом поглощали обильную вкусную пищу, пили превосходное цимлянское шампанское, смотрели друг на друга и говорили, говорили, говорили... Когда зазвучала популярная в конце прошлого века песня группы «Белый орел», Волков слегка привстал, наклонился к уху девушки и шепотом предложил потанцевать. Нет, он не сказал просто «пойдем потанцуем», а сказал «может быть, мы принесем жертву Терпсихоре...» С первых же движений они оценили мастерство друг друга. Оба имели опыт занятий в хореографических кружках, оба великолепно владели своим телом и очень точно воспринимали музыкальный темп. Никогда прежде Волков не испытывал такой легкости, танцуя с девушкой в первый раз. Им не нужно было притираться, приспособливаться друг к другу, «станцовываться», как говорят специалисты; они уже смотрелись со стороны как единое целое и сами себя ощущали так же. Изо всех сил борясь с собой и стараясь не прижимать к себе гибкий стан партнерши, Сергей остро чувствовал нарастающее возбуждение, не

столько эротическое, сколько эмоциональное. И еще ему казалось, что и Настя сейчас чувствует нечто похожее... Однозначно, древнегреческая муза танцев Терпсихора в тот вечер имела все основания быть довольной.

– А ты уверен, что это хорошая идея? — с сомнением спросила Настя, когда они вышли из прокуренного ресторанный зала в теплый майский воздух и направились к паркингу. — Шампанское все же... Может, лучше на маршрутке?

– Да ты не беспокооойся, я сто раз так делал, — категорично ответил Сергей, открывая дверь своей «Нексии», и это было настолько неожиданно, настолько похоже на персонажей юмористического сериала, дегенеративных Славика и Димона, настолько не вязалось с образом Волкова в Настиных глазах, что девушка звонко и заливисто рассмеялась.

– Высокое иногда может веселья ради притвориться низким, это не страшно, — высокопарно изрек Сергей, — гораздо страшнее, когда низкое пытается притвориться высоким... Умный человек, который кажется окружающим круглым дураком, куда менее опасен, чем дурак, кажущийся умником.

– В современном мире более распространен именно второй вариант, — кивнула Настя, — ты меня домой отвезешь?

– Без проблем, Снежная Королева, – ответил Сергей и повел машину так ловко и так аккуратно, как будто в последние три дня не употреблял ничего крепче питьевого йогурта.

– Сerezж, а ты в параде участвуешь? — спросила девушка, когда они уже подъезжали к ее дому. — Послезавтра День Победы...

– Который порохом пропах... Нет, Настюша, не участвую. То есть я не буду маршировать по брусчатке нашей Центральной площади, но присутствовать там буду обязательно. Должность обязывает.

– А какая у тебя должность?

– Старший офицер пресс-службы Центрального военного округа.

– Военный корреспондент?

– Да, можно и так сказать. Где же еще может служить выпускник факультета журналистики?... Начинал я свою службу с должности офицера-воспитателя в заурядной мотострелковой части, а потом написал несколько статей для военной окружной газеты. Анализировал политическую и стратегическую обстановку на наших южных границах, рассуждал о перспективах военного сотрудничества с мусульманскими государствами, о возможностях создания евразийского блока, в составе России, Индии и Китая. Статьи мои понравились одному bravому

полковнику, ветерану Афганистана, вот он и перетащил меня в штаб.

– А я думала, в армейскую пресс-службу не берут людей без боевого опыта, с чисто гражданским образованием, – заметила Настя, – или ты все-таки... все-таки был в горячих точках?

– Военная тайна, – отшутился Сергей, останавливая машину и заглушая мотор. — Все тебе расскажи, шпионочка юная... – Кошачьим движением он положил руку на Настино колено и аккуратно погладил. По некоторым признакам ему показалось, что девушка не будет возражать и против более откровенных ласк, но вовремя совладал с собой. В конце концов, салон «Нексии» совсем не приспособлен для интимных утех, тем более если речь идет о первой близости. А вот удержаться от поцелуя он не смог, и примерно две минуты они иступленно ласкали губы друг друга... И опять от Насти исходил все тот же северный холод, и Волков кожей чувствовал, какой он теплый и приятный, этот холод, и всю обратную дорогу безуспешно пытался объяснить столь парадоксальное явление, классический оксиморон... И опять не смог.

Глава 3

Вот и третья ночь в камере прошла... Правда,

первую можно и за ночь не считать: сначала привезли в пункт временного содержания при отделе полиции, потом уже этапировали в изолятор, там надолго затянулось проведение всяких формальностей, заполнение анкет, медосмотр... Короче, в первую ночь Настя не выспалась.

Никогда прежде она не соотносила свою личность с такими понятиями как «тюрьма», «зона», «камера», «скамья подсудимых». В ее сознании существовали два мира, светлый и темный. В первом она жила, второй знала только по книжкам и фильмам. В первом мире были папа и мама, уютная квартира в центре Города, музыка, театры и торгово-развлекательные центры, салоны красоты, спортивные соревнования, наконец, занятия в Академии... В другом мире были организованные и неорганизованные преступные группировки, наркота, дешевые шлюхи, лязг стальных замков и вертухаи на вышках. Для Насти Трофимовой пересечение двух миров случилось в тот момент, когда некрасивый мужик с простецкой фамилией Харченко, подошел к ней, сидевшей в оцепенении прямо на земле, под сосной, и скучным голосом пробормотал: «Анастасия Александровна, вы задержаны в порядке статьи девяносто первой... Я вынужден это сделать... Прошу сесть в машину».

Женское отделение следственного изолятора оказалось местом совершенно мерзопакостным.

Однако на третьи сутки Настя, к своему удивлению, уже более спокойно стала воспринимать окружающую обстановку. Может быть, дело было в соседках по камере. Из художественной литературы и кинематографа она знала о нелегкой судьбе не имеющих опыта внутрикамерной жизни молоденьких девушек, имеющих несчастье оказаться в местах лишения свободы или в изоляторах временного содержания. Особенно красивых девушек... Плевки, оскорбления, физические и моральные издевательства со стороны матерых уголовниц, и даже самое худшее – сексуальное насилие... Ей повезло, ничего подобного не было. Из трех соседок по камере одна была сотрудницей отдела образования и обвинялась в вымогательстве взятки за устройство ребенка в детский сад, другая попала на сбыте недоброкачественных продуктов питания и третья – на мошеннических действиях в сфере недвижимости. Последняя обитала в камере уже давно, сотрудники следственного отдела раскрывали ее преступную деятельность эпизод за эпизодом. Две другие заселились неделей раньше, чем сама Настя.

С утра девушка сделала несколько простых упражнений для разминки. На свободе она обычно не утруждала себя утренней гимнастикой, и без нее много двигалась, а худеть ей было незачем. Но

здесь, в ограниченном пространстве камеры, следовало позаботиться о поддержании тонуса мышц и связок. К своеобразному рациону питания для следственно-арестованных девушка пока не привыкла, на завтрак съела два ломтика серого хлеба с символическим кусочком масла и попила невкусного чая. После завтрака лежала на сером одеяле, смотрела в потолок и думала... нет, не о своем сегодняшнем положении, а о своих былых ошибках.

Первой ошибкой был Коля Абрамов. Два с половиной года назад третьекурсница Анастасия Трофимова впервые увидела его на сцене в актовом зале Академии Высоких Технологий. Проводился творческий конкурс между факультетами. Вообще, самодеятельность в вузе была поставлена на широкую ногу: должность художественного руководителя творческого коллектива Академии занимала заслуженная артистка России, много лет проработавшая в театре музыкальной комедии. Чрезвычайно экстравагантная и необыкновенно талантливая особа, она всегда старалась поддерживать планку студенческих выступлений на неизменно высоком уровне. Если юмор – то ни в коем случае не допустить обвала в область анально-вагинальных шуток. Если песня – то хотя бы с голосом. Если театральная постановка – то с глубоким знанием заявленной темы, с

прочувствованными характерами персонажей. Очень любила цитировать француженку Бриджит Бардо, неоднократно называвшую современное искусство полупечатным словом из пяти букв... Настя Трофимова не была настроена так же категорично, но во многом разделяла взгляды наставницы.

В тот вечер они с двумя подругами исполняли на сцене искрометно-зажигательный танец из модного на тот момент фильма «Стиляги», с соответствующим музыкальным сопровождением и в соответствующем одеянии. Ее сильное, гибкое, тренированное тело всегда получало жгучее удовольствие от быстрых танцев. Через несколько минут, уже за кулисами, запыхавшаяся и немного возбужденная Настя услышала знакомые трем поколениям звуки песни биттловской «Yesterday». Взглянув на сцену, девушка увидела четверых незнакомых студентов, исполнявших знаменитый шлягер и довольно умело пародировавших легендарную ливерпульскую четверку. Настя остановила взгляд на том молодом человеке, который стоял ближе всех к ней, и в сердце ее шевельнулось Нечто. Как раз в этот момент прозвучали последние слова песни, студент слегка повернул голову и заинтересованно посмотрел на Настю.

Так завертелся ее роман с Колей Абрамовым.

Сейчас, анализируя с высоты двухлетнего опыта их отношения, Настя вряд ли могла точно сказать, любила ли она этого молодого человека. Артистичный, творческий, достаточно талантливый человек, с неплохим голосом, красивыми манерами, умевший вести себя в обществе... Все эти качества Коли нравились девушке, но еще больше нравилось его отношение к ней. Казалось, все свое свободное время он стремится провести рядом с ней. Занятия у них проходили, естественно, в разных аудиториях, но в перерывах между парами они бродили по длинным коридорам, взявшись за руки, вместе перекусывали в студенческой столовой, после занятий гуляли по Городу, чаще всего в направлении Настиного дома, или сидели в кафе, если погода была сырой или холодной. Настя перезнакомилась с его друзьями и познакомила его со своими подругами. К одной из них она его даже немножко взревновала, слишком уж откровенно Екатерина проявляла свою симпатию... Коля тогда делал вид, что ничего не замечает и что никто, кроме нее, Насти, ему не нужен. Теперь-то причина его поведения была совершенно очевидна, тогда же неопытная Настя воспринимала Колино поведение как подтверждение верности, постоянства и серьезного отношения к ней. Ошибалась, как оказалось...

Осталась позади летняя сессия, самая тяжелая

за все пять лет студенчества. Настя уверенно шла на красный диплом, собирала зачеты-автоматы и отличные отметки в зачетную книжку. Коля тоже неплохо учился, успевая при этом регулярно заниматься пейнтболом, к которому приохотил и свою подругу. В начале июля он вдруг исчез. Не то чтобы совсем внезапно... Как-то раз они ехали в такси и услышали по радио сообщение об очередном теракте на Северном Кавказе. На следующий день Абрамов позвонил ей и срывающимся голосом сообщил, что в этом теракте пострадала его родная тетя, которая долгое время жила с ним и фактически была ему как вторая мать... Теперь она в госпитале, в тяжелом состоянии, срочно надо лететь, хотя бы ради того чтобы попрощаться. Поездка в горные края затянулась почти на полтора месяца, Коля звонил редко, иногда писал смс-сообщения. Тетя лежит, прикованная к больничной койке... состояние тяжелое... средней тяжести... удовлетворительное... встала на ноги... В середине августа выздоровление любимой родственницы завершилось, и Коля Абрамов вернулся в Город.

Радость встречи произвела на соскучившуюся Настю такое воздействие, что она чуть было не отдалась Коле у него дома. За десять месяцев отношений они так вплотную и не подошли к заветной черте, которая для большинства мужчин

сравнима с морковкой, повешенной перед мордой бредущего в караване ишака. Определенной степени интимной близости они достигли, во всяком случае, Коле пару раз удавалось словить то самое сладострастное ощущение, обычно являющееся заключительным этапом полового соития. Сама Настя упорно противилась окончательному решению сексуального вопроса и своему превращению из девушки в женщину. Она не была ханжей, не считала девственность бесценным даром и вовсе не ставила прощание с этим даром в зависимость от наличия или отсутствия штампа в паспорте, но внутренний голос упрямо твердил ей: не торопись, не спеши, убедись, что это именно твой человек...

В золотистый сентябрьский день зов природы и достигшее своего пика доверие к Николаю сделали свое коварное дело. Настю и Колю их общие друзья и знакомые давно уже рассматривали как пару, и на все праздники приглашали вдвоем. На сей раз они тоже пришли на день рождения вместе. Отмечали в трехкомнатной квартире, народу сначала было много, а ближе к ночи все как-то незаметно рассосалось, сам виновник торжества явно перестарался со спиртными напитками и нашел прибежище в дальней комнате, а Настя и Коля остались в большой гостиной с еще не убраным праздничным столом... Вспоминая ту

ночь, Настя не могла бы во всех подробностях воспроизвести, что, как и в какой последовательности происходило. Почему-то более всего запечатлелись в памяти ее коралловые босоножки с полупрозрачными каблучками, которые были единственными искусственными предметами, не снятыми с ее тела нетерпеливым молодым человеком... Правда, несмотря на весь свой пыл, воспользоваться резинотехническими изделиями он все же не забыл.

А уже на следующей недели Насте суждено было испытать самое тяжкое душевное потрясение в своей жизни. Суждено было узнать о том, что за последний год ее любимый имел отношения еще с двумя молодыми девушками, что с одной из них он как раз и ездил в горный санаторий на Северном Кавказе, ловко прикрываясь здоровьем любимой тети, которая действительно существовала, но жила всю жизнь в Городе и никогда не бывала в горных краях... Да и не просто с какой-то посторонней девушкой он расслабляться ездил, а с Настинной однокурсницей, той самой Екатериной. Не то чтобы близкой подругой, но все же хорошей знакомой, с которой не раз и не два пересекались в одной компании. Наконец, суждено было узнать, и не от кого-то, а от самого Коли Абрамова, что коллекционирование девственниц является его своеобразным хобби, что все эти десять месяцев он

проводил в обществе Насти лишь для того, чтобы первому познать прелести ее стройного тела и внести ее в список под таким-то номером... В разгаре ссоры молодой человек выражений не выбирал.

Никогда Настя Трофимова не чувствовала такого разочарования, опустошения и душевной боли. Несколько дней ходила сама не своя. Потребность поделиться своей бедой все же дала о себе знать, и она рассказала о случившемся матери. Та проявила житейскую мудрость и сказала дочери все те слова, которые хоть как-то могли минимизировать последствия такого удара судьбы.

С Колей Абрамовым девушка старалась нигде не пересекаться даже случайно. Во-первых, чтобы ничто, в том числе его лицо, не напоминало ей о пережитом унижении. Во-вторых, она его просто возненавидела. Если бы тогда у нее под рукой оказалась кнопка, нажатием на которую можно было бы легко и безопасно умертвить коллекционера девственниц, она бы, вероятно, воспользовалась такой возможностью. Но кнопки у нее под рукой не оказалось, и Коля прожил еще полтора года с лишним, причем прожил в том же Городе, продолжая учиться в той же Академии и вариться примерно в тех же студенческих компаниях. Благодаря этому и стала возможной Настина третья ошибка...

Но перед третьей была еще и вторая.

* * *

Лязг открываемой двери вывел Анастасию из раздумий.

– Трофимова, на выход, вещи оставь.

– Меня куда?... — равнодушно спросила Настя, идя по длинному полутемному коридору на два шага впереди невысокой широкоплечей женщины в серой униформе, младшего инспектора внутренней охраны СИЗО.

– Адвокат к тебе.

В комнате для встреч с адвокатами Настя увидела совсем не того, кого ожидала увидеть. Еще вчера следователь Харченко представил ей какого-то молодого человека боксерской наружности, который оказался так называемым адвокатом по назначению. С нормами уголовно-процессуального законодательства Настя была знакома очень поверхностно, но более грамотные соседки по камере потом разъяснили ей, что если сам обвиняемый и его родственники в течение суток не обзаводятся профессиональным защитником, то следователь или суд обязаны такового предоставить на бесплатной основе. Другое дело, что качество оказания услуг такого защитника вызывает большие сомнения, но

формальные процедуры должны быть соблюдены в любом случае, иначе следователю или дознавателю могут дать по шапке.

Настины родители далеко не бедствовали и вполне могли позволить себе пригласить адвоката для дочери, но, как назло, оба были в отъезде. Правда, узнав об аресте Насти в воскресенье, папа и мама оставили свои дела и уже утром в понедельник прибыли в Город, но они были так ошарашены случившимся, что или не вспомнили про адвоката, или просто не посчитали это необходимым. Откуда ж тогда взялся этот импозантный здоровяк с черными усами на самодовольном лице?

– Добрый день, Анастасия Александровна, – поздоровался здоровяк, – меня зовут Валерий Павлович Лебедев, я ваш адвокат. Бесплатный, но хороший, – добавил он и покровительственно улыбнулся.

* * *

После разговора со следователем я немедленно выехал в следственный изолятор. На данный момент положение моей подзащитной оставляло желать лучшего. Не имелось никаких фактов, которые можно было бы использовать в качестве доказательства ее невиновности, поэтому я

прямо счел нужным приободрить ее и сразу же вселить надежду и доверие ко мне.

Вживую девушка произвела на меня впечатление не меньшее, чем на фотографии. Конечно, давали о себе знать три ночи в камере и бытовые условия изолятора: усталый вид, полное отсутствие косметики на лице, слегка неприбранные волосы. Мне почему-то вспомнился эпизод из последнего фильма про Анжелику, когда прекрасная красавица в компании двух друзей бежит через безводную пустыню из дворца сластолюбивого восточного деспота, страдает от жажды и усталости... Вот именно такую «усталую Анжелику» мне и напомнила Анастасия Трофимова.

– Здравствуйте... А откуда вы меня знаете? Вас наняли мои родители?

– Адвокатов не нанимают, а приглашают, – весело заявил я, – но мы не будем обращать внимание на такие тонкости... Ко мне обратился с просьбой помочь вам Сергей Васильевич Волков.

Девушка широко открытыми глазами несколько секунд смотрела на меня, глубоко дыша. Облизнула пересохшие губы, спросила:

– Он обо всем знает? Да?

– О случившемся с вами инциденте он узнал еще вчера, от одной из ваших подруг, и сразу же обратился ко мне...

– Почему?

– Потому что я являюсь старым другом его мамы, и самого Сережу знаю с детства, и он мне доверяет...

– Я не об этом, – нетерпеливо перебила меня Настя. — Почему он вообще...

Она замолчала, но я понял суть ее вопроса. Бывший молодой человек пытается помочь своей бывшей девушке, подозреваемой в убийстве... Действительно, не очень ординарная ситуация. Мне самому следовало подумать об этом еще раньше. Ладно, выясним, всему свое время.

– Анастасия Александровна, нам с вами предстоит очень долгий разговор, и не только сегодня, но и в дальнейшем, поэтому, может быть, вы разрешите мне обращаться к вам по имени? Мне пятьдесят пять, вам двадцать два...

– Да, конечно, Валерий Павлович, зовите меня просто Настей...

– Так вот, Настенька, хочу вас сразу предупредить: с адвокатом следует вести себя так же как с врачом, то есть говорить правду, только правду и ничего кроме правды. В первую очередь это в ваших же интересах. В американских кинофильмах часто звучит фраза: «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас». А я скажу вам другую фразу: ни одно слово, сказанное вами, не будет использовано мною против вас. Так

как, вы готовы быть откровенной?

– Да.

– Тогда вопрос первый: вы убили Николая Абрамова?

– Нет, я его не убивала, – твердо ответила моя очаровательная подзащитная, – он уже был мертв, когда я вошла в домик. Лежал прямо на пороге, в крови...

– Не спешите, дорогая, об этом чуть позже... Сейчас, будьте любезны, расскажите мне о ваших отношениях с покойным.

Девушка глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и начала рассказывать. Слушая ее, я совершенно искренне качал головой и мысленно негодовал на сволочную породу некоторых представителей мужского пола. Воистину, нужно быть святым праведником, чтобы всю жизнь хранить верность одной женщине. Но действовать так подло, так цинично, да еще говорить о своей подлости так открыто, разбивая девичье сердце... Нет, это не по-мужски. Я не мог чувствовать к убитому Николаю Абрамову ничего, кроме гадливого отвращения. Собиратель девственниц, мать его... Лучше бы бабочек собирал, меньше бы вреда было.

– Понимаете, измена измене рознь, – говорила Настя, как будто озвучивая мои мысли. — Представьте себе две ситуации. Первая: собираются

мужики в сауну, сидят там, отдыхают, пьют виски или водку... Ну и как-то само собой получается, что рядом с ними оказывается девушка легкого поведения, и происходит спонтанная ни к чему не обязывающая групповуха. Потом все возвращаются к своим женам, живут с ними как ни в чем не бывало. Или, как вариант, служебный роман завязывается, или просто мужчина встречает свою повзрослевшую одноклассницу, с которой много лет назад целовался в школьном саду, вспыхивает старая страсть, ну и... А есть другая ситуация, – девушка повысила голос, – когда парень совершенно точно знает, что конкретная девушка будет интересна ему только до первой интимной близости, что она нужна ему только как очередной пункт в его долбаном списке...

Настя опять глубоко вздохнула и устремила взгляд в один из верхних углов комнаты. Я понял, что она пытается сдержать слезы. Но дело есть дело, и я обязан был продолжать задавать вопросы.

– Я прекрасно понимаю ваш гнев и вашу боль, Настенька, – мягко сказал я, – но все же объясните: как же получилось, что вы опять стали вместе с Абрамовым, после всего, что он сделал?

– Не знаю, рассказывал ли вам Сережа, – медленно проговорила девушка, – после скандала и разрыва с Колей я более полугода была одна. Совсем одна. На парней смотреть боялась, ужасно

не хотела повторения той истории. А потом подумала: ну что ж мне теперь, заживо себя похоронить, или в монастырь уйти? Я-то в чем виновата? Я хотела жить полноценной жизнью, хотела любить и быть любимой... Прошлой весной я зарегистрировалась на сайте знакомств. Там познакомилась с Сережей...

Она опять замолчала. Видно было, как тяжело даются ей эти воспоминания. Я решил, что даже адвокату иногда следует проявлять деликатность.

– Про ваши отношения с Сергеем Волковым можете не распространяться, если не хотите... Скажите только: вы расстались с ним не из-за Коли Абрамова?

– Нет, что вы! Колю я тогда всей душой ненавидела, и сама мысль о возобновлении отношений с ним казалась мне совершенно бредовой. К тому же, с Сережей я рассталась в декабре тринадцатого года, а с Колей опять стала встречаться только в феврале четырнадцатого. Три месяца назад.

– Но почему, Настя? Разве вам никто из мужчин не оказывал внимания? Зачем надо было возвращаться к такому человеку?

– Я не знаю! — со слезами на глазах вскрикнула Настя. — Я сто тысяч раз пожалела, что рассталась с Сережей Волковым, причем сама, по своей дурацкой инициативе. Страдала, мучилась,

ночи не спала... А тут вдруг ко мне стал подходить Коля, заговаривать со мной, прощения просил, говорил, что теперь у него больше никого нет, просил меня опять быть с ним... Не знаю, почему я купилась на всю эту ложь. Может, я просто дура, а, Валерий Павлович? — Она грустно усмехнулась.

* * *

Нет, душой я мою подзащитную не считал. А ее странное на первый взгляд решение возобновить отношения с негодяем и бесчувственным эгоистом Колей Абрамовым объяснял следующим образом. Пережив такую жуткую катастрофу в личной жизни, девушка перестает верить мужчинам. Она подсознательно избегает всяческих новых отношений, боясь привязаться к человеку и опять почувствовать боль, узнав о его измене. Она пересиливает себя, начинает встречаться с моим юным другом Сережей Волковым, но без всякой видимой причины разрывает отношения с ним. Скорее всего, был какой-нибудь мелкий предлог, но никак не серьезная причина... И вот опять входит в ее жизнь Коля, первый мужчина, сделавший ее женщиной в физиологическом смысле этого слова. Сережка ведь правильно говорил вчера, в психологии действительно бытует мнение, что первого мужчину девушка никогда не забывает и

всегда интуитивно ищет его образ во всех других мужчинах. Но не это главное. Настя Трофимова знает: Коля Абрамов – негодяй и подонок. Она знает, что от него нельзя ожидать высоких чувств, верности и самопожертвования. Зато любую подлянку ожидать можно. И нужно. Следовательно? Следовательно, в случае очередного Колиного паскудства ей не будет так больно, как было раньше. Просто скажет сама себе: ну а чего ж ты хотела? Чтоб из канализации святая вода полилась? Значит, сама дура, если второй раз на одни и те же грабли наступаешь...

Курс психологии я изучал в весьма ограниченном объеме, но все ж таки адвокатом работаю, много историй приходилось узнавать и выслушивать. Диагноз я поставил такой: возвращение Насти к своему первому парню – это способ занять отношения, которые не могут принести страданий в случае их разрыва. Вроде и есть парень, и довольно эффектный. А вроде и ничего страшного не случится, если он куда-нибудь исчезнет. Вот и все, ничего сложного...

* * *

Своими психологическими изысканиями я не стал делиться с подзащитной. Никому не может быть приятно, если на него смотрят как на

подопытного кролика. К тому же, мне необходимо было разобраться в более важном вопросе.

– Настя, для того чтобы вытащить вас из этого учреждения, я должен представить себе картину преступления. Во всех подробностях. Прошу вас, соберитесь с мыслями и расскажите мне о вашей вечеринке на озере Радужном. Кто что делал, кто куда ходил, кто что сказал... Любая мелочь может иметь решающее значение.

– Мне даже напрягать память не надо, – пожала плечами красавица, – потому что такой же вопрос мне не далее как вчера задавал следователь, и я ему все в подробностях рассказала.

– У меня на руках есть копия протокола вашего допроса, я с ней ознакомился, – кивнул я, – и все же, мне хотелось бы услышать ваше изложение событий в устной форме. Например, меня очень интересует ваша ссора с Абрамовым... С чего она началась?

* * *

Настин рассказ полностью соответствовал тем показаниям, которые она давала вчера следователю Харченко.

По ее словам, ссора на берегу озера вспыхнула практически на пустом месте, равно как и многочисленные ссоры в течение последних

месяцев. Со стороны отношения Трофимовой и Абрамова выглядели вполне пристойно, их опять считали парой. Но это была уже не та пара, что раньше. Постоянно «искрило». Настя раздражалась по любому поводу, из-за неверного слова или неловкого жеста. А ведь истеричкой она никогда не была. Мой юный друг Сергей, общавшийся с ней весьма близко в прошлом году, говорил, что по отношению к нему она никогда не позволила себе ни одного незаслуженного слова, и все ее реакции на внешние раздражители были совершенно адекватны. А вот с Колей, значит, было не так... Ну что ж, и в этом тоже нет ничего удивительного. Ей же никто лоботомию мозга не делал, и забыть про скотскую измену Абрамова она не могла бы при всем желании. Вся нервозность и вся раздражительность идут из той пренеприятнейшей ситуации, больше неоткуда.

Так получилось и в субботу. Брат Насти, Максим, невзначай обронил какое-то полушутливое замечание, в духе того, что вот, мол, из всех ухажеров моей сестры Колян самый нормальный. Максим сестриных кавалеров обычно не жаловал, со всеми, с кем Настя его знакомила, общался сквозь зубы. Так что в его хвалебном замечании, скорее всего, присутствовал сарказм, и Коля вполне мог его почувствовать. Агрессивно и нелицеприятно высказался про бывших мужчин

Настя, сказал, что их вообще неуместно сравнивать с ним, самым-пресамым лучшим... Настю такие высказывания разозлили, она несколькими хлесткими фразочками спустила парня с небес на землю. Припомнила ему ту ситуацию со «списком девственниц»... Как говорится, из искры разгорелось пламя.

Характер у Коли был взрывной, холерический. Он сначала вскочил, побледневший от злости, чуть не перевернул столик, на котором были расставлены пластиковые тарелки и стаканчики с недопитым вином, а потом судорожно махнул рукой и быстрым шагом ушел в домик. Напоследок бросил, что вот, типа, уехал бы прямо сейчас, да не на чем, машины своей нет, но и находиться в обществе такой неблагодарной девицы не будет, лучше пойдет спать.

Дальнейшие события интересовали меня особенно остро. Я процентов на девяносто был уверен, что убийство совершил кто-то из людей, открыто находившихся в тот вечер на берегу озера. Сама Настя. Ее брат. Трое друзей. Двое охранников. В проникновение посторонних лиц на территорию базы мне после обстоятельной беседы со следователем как-то не очень верилось. А коли так, значит, нужно было уточнить все передвижения за последние полчаса перед тем, как было найдено мертвое тело Абрамова.

— Кстати, а как ваши друзья реагировали на вашу ссору? — спросил я. — Не пытались вас успокоить?

— Вроде нет, — неуверенно сказала девушка, — вроде бы никто не вмешивался. Юля с Мишей не тронулись с места, я помню, он ее за руку держал, пока я с Колей ругалась. Аркаша Завитаев деликатно отошел на пару шагов, присел на корточки у самой воды, опустил руку в озеро. Мой брат Макс хотел было налить вино в стаканчики, но бутылка опустела, и он пошел в дом за другой. Там небольшой холодильник стоит, мы туда спиртное ставили... Да, я точно помню, вот когда Коля нас покинул, Макс как раз из домика возвращался с двумя бутылками в руке. Спросил, куда это мой парень направился и почему он у меня такой психованный...

— А вы там вообще много выпили? — вдруг спросил я. Мне вдруг пришла в голову мысль, что ведь в показаниях всех пятерых вполне могут быть неточности, вызванные употреблением горячительных напитков. Сколько они там просидели? Приехали в шесть вечера, разложились, приготовили шашлык на мангале, ну, пускай в половине восьмого сели за стол. За два с половиной часа российский студент очень немало разных жидкостей способен своей печенью профильтровать, это я точно знаю, сам пять лет в

общаге прожил в незабываемых семидесятих... Воздействие алкоголя на мозг, да плюс стресс после обнаружения трупа, да и показания они давали не сразу, менты ведь только через час после вызова прикатили...

– Вот об этом вам лучше спросить у Юли с Мишей, они все покупали в каком-то супермаркете, и еду, и алкоголь. Мы им еще накануне деньги перевели по банковской карте... Но я точно помню, Валерий Павлович, у нас были вино и пиво. Вино – красное полусладкое, откуда-то с Кубани. Пиво – «Эфес», «Миллер» и какое-то еще. А про количество вы лучше у ребят спросите...

– Вы как пили-то? — поинтересовался я. — По уму, или смешивали?

– По уму, – улыбнулась Настя, – мы с Юлей пили вино, а парни — пиво... Я бы не сказала, что кто-то из нас сильно опьянел. Разве что Коля... Он вообще в пьяном состоянии себя не контролировал. Возможно, у нас бы и конфликта такого не произошло, если бы не алкоголь.

– Ладно, Настя, я уточню у ваших друзей насчет количества выпитого, – пообещал я, делая пометку на лежащем передо мной листе бумаги. — Как дальше развивались события?

– Мы сидели, молчали... Брат и друзья делали вид, что ничего не произошло. Максим разлил нам с Юлей вино по стаканчикам, я выпила залпом, в

таком взвинченном состоянии была... Кстати, обычно я никогда спиртное залпом не пью, – вдруг торопливо уточнила она, и я еле сдержался от улыбки. — Юлька покрутила стаканчик в руке, отпила немного, потом передернула плечами и пожаловалась на вечернюю прохладу. Сказала, что ходит в дом за курткой. Ее не было минут пять. Помню, Миша сунул руку в карман, хотел было достать сотовый телефон, вспомнил, что оставил его на подзарядке. Пошел в дом... Вернулись они вместе с Юлей минуты через три. Мне показалось, они оба были какие-то нервные, напряженные, особенно Юлька. Хотя, если честно, мы тогда все нервные были, после сцены с нашей ссорой. Не хотелось уже ни шашлыка, ни озера, ни общения... Испорчен вечер, в общем.

Да уж, вечер испорчен, это точно... Для тебя-то, красавица, он испорчен капитально. Как бы у тебя теперь вся жизнь не испортилась, на ближайшие семь-восемь лет. А что? Примерно столько моей подзащитной и светит, если дело дойдет до суда и мне не удастся доказать ее невиновность. У судьи-мужика она могла бы рассчитывать на снисхождение, все ж таки убийство совершено после ссоры, в психотравмирующей ситуации. А вот на судью-бабу такой аргумент не подействует.

– Анастасия, а зачем вы пошли в дом? — вдруг

спросил я.

Подзащитная замялась, опустила глаза в пол. Пальцы левой руки нервно теребили носовой платок. Молчание...

– Настя, еще раз призываю вас к откровенности... Вы говорите со своим адвокатом. И не только с адвокатом, но и с человеком, к которому обратился за помощью ваш бывший мужчина.

– Мне очень трудно вам ответить, Валерий Павлович, – очень медленно ответила Трофимова, – потому что я сама не знаю... Помню, что хотела поговорить с Колей. Поговорить о нас, о наших отношениях. Высказать ему все то, что накопилось на душе. Сказать, насколько мне тягостны отношения с ним... Но я не знаю, понял ли бы он меня.

– Откровенно говоря, я тоже пока не понял. Вы хотели с ним расстаться?

– Да. Хотела. Говорю же, одной частью души я его ненавидела, а другой частью продолжала любить какой-то нездоровой, мазохистской любовью... Мне тогда, сразу после нашей последней ссоры, такая мысль в голову пришла: а ведь я не смогу никого полюбить, пока во мне живет вот это отвратительное, патологическое чувство к Коле. Он об меня ноги вытер в позапрошлом году, а я опять согласилась быть с

ним. Это болезнь, понимаете?

– Мне кажется, вы неправы, – стараясь говорить очень мягко, заметил я, – ведь у вас были отношения с Сергеем Волковым, и, по его словам, очень теплые и сердечные. Во всяком случае, ему было очень хорошо в этих отношениях. Если бы вы его не любили, он не мог бы не почувствовать...

– А я его любила!.. Очень любила, – слегка вслипнула девушка, – если оценивать объективно, он был самым лучшим из всех молодых людей, с которыми у меня когда-либо были отношения. Рядом с ним я начала излечиваться от той раны, которую мне нанес Абрамов. Ну, и что в итоге? А в итоге мы расстались. Вот я и подумала, что не смогу больше испытать нормальную любовь к мужчине, пока жив Коля Абрамов.

Вот, значит, как. «Пока жив Коля Абрамов». Лихо сказано. Надеюсь, следовательно она такого не говорила...

– Кажется, я вас понял, Анастасия. Вы не могли сами порвать отношения с этим человеком и хотели, чтобы инициатива разрыва исходила от него. Вы хотели, чтобы он снова вас бросил, на сей раз окончательно и бесповоротно. Так?

– Наверное, так, – апатично сказала Настя. — Только я не уверена, что и в этом случае обрела бы душевный покой. Ну бросил бы он меня, и что? Все равно я знала бы, что он здесь, в Городе... Да хоть

бы он на Камчатку уехал, какая разница?! Все равно я бы постоянно возвращалась мыслями к нему...

Я немного помолчал, пытаюсь разобраться во внутренних переживаниях этой неземной красавицы. Обязательно нужно будет моей Зине с ней поговорить, женщина женщину всегда лучше поймет, чем мужик.

— Настенька, скажите честно, а что вы чувствуете теперь? — Я сделал ударение на последнее слово. — Вот вы знаете, что ваш первый мужчина мертв, и...?

— Облегчение, — не тратя времени на размышление, ответила девушка. — Огромное облегчение. Теперь я окончательно излечилась. Мне легко и свободно дышится. Может, я поэтому и переношу здешние условия сравнительно легко... То есть тяжело, конечно, но в петлю лезть не тянет.

— Вы рады, что он мертв? — тихо спросил я.

— Да, рада.

— Ну что ж, Настенька, у меня язык не поворачивается вас осуждать... Человек, раскрывший череп вашему бывшему, невольно оказал вам большую услугу. Если не считать того, что вы оказались здесь... А как вы преподнесли эту ситуацию Харченко? В протоколе допроса записано, что вы пошли в дом с целью «поговорить с Абрамовым, выяснить отношения». И все. Что вы ему еще сказали?

— Сказала, что хотела извиниться перед Колей, — пожала плечами девушка. — Вполне правдоподобно. Со стороны ведь выглядело так, что он на меня обиделся. Он обиделся на меня, значит, мне и прощенья просить.

Трофимова язвительно улынулась. Да, непростая девочка. И ничего странного, что Харченко подкорректировал ее показания. Под словами «выяснить отношения» можно подразумевать все что угодно, в том числе угостить топором по голове. А вот фраза «попросить прощенья, извиниться» содержит совсем другой смысл, совершенно не агрессивный.

— Валерий Павлович... — смущенно обратилась ко мне Настя. — Вы говорите, у вас есть протоколы допроса моих друзей, да?

— Конечно. На руках у адвоката должны быть копии абсолютно всех материалов, имеющих отношение к уголовному делу.

— А вы не могли бы сказать... Кто-нибудь из них упоминал имя Сергея... Волкова?

Для того чтобы ответить на ее вопрос, мне даже не понадобилось заглядывать в документы. Я и без того помнил, что в показаниях Аркадия Завитаева фигурирует фамилия моего юного друга. По словам студента-медика, в разгаре ссоры Коля Абрамов негативно и в грубой форме отозвался о бывшем молодом человеке Насти, некоем Сергее

Волкове. Сама Настя будто бы закричала, чтобы он не смел так говорить, и что он по сравнению с Волковым вообще не мужик. Другие участники пикника на озере почему-то не упомянули данное обстоятельство в своих показаниях. Не сочли нужным?... проявили деликатность?... просто забыли?...

– Такие показания действительно есть, – кивнул я, – а почему вас это волнует?

– Мне бы не хотелось впутывать Сережу в эту дурацкую историю с убийством, – серьезным тоном сказала девушка. — А ведь следователь обязательно зацепится и будет его подозревать... Это же классика жанра: любовный треугольник. У меня был молодой человек, я с ним рассталась, появился другой, я с ним тоже рассталась и вернулась, дура, к первому... Теперь этот первый убит. Вы же понимаете, какие выводы можно сделать?...

Еще бы не понимать... Убийство на почве ревности- действительно классика. Наверное, такие убийства имеют более древнюю историю, чем убийства из-за куска оленьего мяса или свободной от саблезубых тигров пещеры... Да только есть два обстоятельства... Первое: следователь Достоевский-Харченко не собирался проверять какого-то бывшего любовника Насти Трофимовой на причастность к убийству, потому что он уже

посадил в камеру обвиняемую, то есть саму Настю, и не собирается отпускать, так как уверен в ее виновности. Ну вот зачем ему в такой ситуации расширять круг подозреваемых, вносить сомнения в простое и незамысловатое уголовное дело? Он еще месяц-другой покопается для виду, проведет несколько следственных экспериментов, а потом состряпает обвинительное заключение и отправит гражданку Трофимову в суд... И второе обстоятельство: мне было известно от самого Сергея, что в тот субботний вечер он находился совсем в другом месте и никак не мог незаметно перенестись на берег Радужного и совершить убийство. И есть человек, который может подтвердить его алиби. Но по некоторым причинам Сережа очень просил меня не рассказывать об этом Насте, и я чисто по-мужски его понимал.

Но Настя-то какова!.. Вроде бы свои проблемы есть, в камере сидит, и светит ей по части первой статьи сто пятой до восьми лет лишения свободы. А вот, поди ж ты, заботится, как бы не было неприятностей у бывшего... Хорошая девочка. И телом хороша, и душой. Я украдкой вздохнул. Эх, где мои двадцать пять лет...

* * *

С Настей Трофимовой я беседовал примерно

до половины второго. Покормил ее принесенными с собой пирожками в пластмассовых упаковках. Обед-то в следственном изоляторе к часу дня уже заканчивается, а она и так последние дни почти ничего не ест...

Несмотря на все мои героические усилия, получить от подзащитной какую-то новую информацию не удалось. Если она говорит правду и не ошибается, то никто из их компании не мог зарубить пьяного коллекционера девственниц. Можно было предположить, что убийство – это плод совместной работы Юлии Назаровой и Михаила Григорьева, которые теперь дружно дают ложные показания, покрывая друг друга. Они ведь тоже пара. Вполне могли, почему бы нет?

Могли-то могли, чисто физически. Но зачем? Двое людей, пусть даже близких друг другу, не станут договариваться об убийстве третьего человека без очень серьезных мотивов. Причем мотивы должны быть важными для обоих. В конце концов, речь идет не об опустившихся алкоголиках или люмпенах, которые в ходе распития «на троих» повздорили из-за какого-то неосторожного слова и искромсали друг друга ножами... Студенты престижного вуза, неглупые, культурные... Нет, я пока не был знаком с ними лично. Однако, познакомившись вживую с Анастасией Трофимовой, я был на сто процентов убежден, что с

идиотами и дегенератами такая девушка дружить бы не стала. Так или иначе, с Юлей и Мишей мне в любом случае предстояло встретиться.

Выйдя из ворот СИЗО, я набрал на мобильном телефоне номер Сергея Волкова. Вместо гудков у него стояла мелодия из «Аиды», и несколько секунд я слушал чарующие звуки.

– Серега, привет, – сказал я, когда он взял трубку, – только что поговорил с твоей девушкой. Со следаком тоже разговаривал, да... Что? Пока ничего хорошего, если откровенно... Да ты не переживай, сделаю все что в моих силах, а в моих силах очень многое... Сереж, тут такое дело: будь готов, что тебя захочет видеть Харченко или кто-нибудь из оперов, которые по Настиному делу работают. Может, тебя и не вызовут, но на всякий случай подумай, что будешь говорить... Та девушка, с которой ты провел вечер субботы, она же не откажется подтвердить?... Ну, тогда все в порядке. Говори ментам правду, тебе выдумывать ничего и не нужно... А Насте я ничего про твою Свету не сказал, как ты и просил. Давай, до встречи!

* * *

Девятое мая прошлого года стало для Сергея Волкова и Анастасии Трофимовой днем двух

салютов.

Первый салют гремел для них вечером над центром Города. Молодые люди стояли среди огромной толпы, обнявшись, на гранитном берегу Городского пруда, и смотрели в темнеющее небо, на котором расплывались красные, синие, зеленые и желтые шары из мелких искорок. С задержкой в несколько секунд доходил лопающийся звук разрывов. Доходил не то что до ушей, но и, казалось, до самой души... Эмоционально холодного, флегматичного Сергея в некоторые моменты переполняло невыразимое воодушевление, душевный восторг... Он хорошо помнил, что чувствовал подобное в детстве, когда ступал по брусчатке Красной Площади и осознал, что вот именно здесь бьется сердце великой империи, раскинувшейся между трех океанов, и что сам он – маленькая частичка этой могучей силы. Он был не из тех, кого пренебрежительно называют «ура-патриотами». Хорошо разбирался в исторических и политических событиях, не верил в официальные государственные мифы, читал книги, освещающие ход истории с полярно противоположных точек зрения, умел видеть и хорошую и плохую сторону любого явления. По поводу победы в советско-германской войне он не питал особых иллюзий. Знал, что многое, слишком многое не укладывается в официальную,

каноническую версию Великой Отечественной войны. Тем не менее, не мог он не чувствовать эмоциональный подъем, следя за огнями в небе и считая про себя орудийные залпы. Древнее, первобытное, неистребимое никакой цивилизацией осознание себя частичкой культурной общности, народа или племени, вот что играло в нем.

«А может, я просто попадаю в такие минуты под влияние толпы? — подумал он, стоя за Настей и нежно обнимая ее обеими руками, чувствуя ее волнительную спину. — Вон же сколько людей вокруг, настроенных чувствовать одно и то же. Ведь не отдельные личности сейчас кричат «ура» после каждого залпа, нет, это толпа кричит...»

Вслух же он сказал, прижавшись к уху девушки губами:

— А ведь в этом году исполнится ровно семьдесят лет с того, знаменитого орловско-курского салюта! В августе сорок третьего его устроили, в честь героев Курской битвы... Наши бабушки, дедушки и прадедушки могли вот также стоять на берегу пруда в Орле, смотреть в небо, считать залпы. Представляешь, какие чувства их переполняли?

Настя кивнула. Не просто из вежливости, а потому что ей действительно было интересно все, что говорил Волков. С ней можно было разговаривать на любые темы. За три встречи